

подобные характеры, утверждают Лессинг и Карамзин, недраматичны вследствие своей односторонности.

Но Лессинг в своих как драматических, так и теоретических произведениях подчеркивает влияние внешних обстоятельств на изменение характера, поступков персонажей. Карамзин же на это очень мало обращает внимания. Его больше волнует, например, не взаимоотношение Эмилии Галотти с окружающим ее враждебным миром, а «скорые перемены в ее мятущейся душе». Карамзин не идет дальше характеристики изображенных в драме интимных переживаний человека. Достоинство драматурга он усматривает прежде всего в знании им сердца человеческого.

Карамзин ратовал за торжество психологического принципа в создании образов. И это, несомненно, было одним из самых интересных и прогрессивных положений его творческой программы. Правда, он сознательно стремился к тому, чтобы ограничиться только «психологизмом», оставив вне поля зрения социальные моменты, среду, окружающую и воспитывающую этого персонажа. Не обращает Карамзин внимания и на идеологические позиции драматурга, вне поля зрения остается идейная сторона разбираемого произведения.

Для Карамзина Коцебу такой же хороший писатель, как Гете, Шиллер, Лессинг, так как он, подобно им, умеет рисовать «истинно трогательные сцены».

Внимание читателей, зрителей Карамзин стремится сосредоточить не на идейной стороне драмы, а на анализе действий и переживаний героев в момент наиболее сильных душевных потрясений. Он сознательно игнорирует при разборе протестующий пафос произведения. Особенно это чувствуется при чтении рецензий на постановку драмы Лессинга «Эмилия Галотти» и трагедии Шиллера «Заговор Фиеско».

Карамзин справедливо считает «Эмилию Галотти» «венцом Лессинговых драматических творений», он верно уловил одну из особенностей построения Лессингом драматического характера — органическое сочетание эмоционального начала с героическим. Однако внимание его почти целиком поглощено эмоциями, в его изложении драма предстает более чувствительной, нежели она была на самом деле; демократизм же ее, бунт Эмилии и Одоардо против произвола, против насилия двора и принца оставлен в тени.

«Главное действие возмутительно, но не менее того естественно», — пишет он, имея в виду сцену убийства отцом Эмилии. Принимая этот эпизод за основной, Карамзин так строит свою рецензию, что и передача содержания и характеристика